

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Фонд «Либеральная Миссия»

Серия «Свобода и право»

Основана в 2012 г.

Алексей Давыдов

НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ

Виктор Шейнис

ВЛАСТЬ И ЗАКОН

Политика и конституции в России в XX—XXI веках

Владимир Малахов

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

Концепции и практики

Александр Оболонский

ЭТИКА ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

И РЕАЛИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Леонид Никитинский

АПОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

(в завтрашний номер: о правде и лжи)

Эмиль Паин, Сергей Федюнин

НАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Перспективы управления культурным разнообразием

Игорь Клямкин

КАКАЯ ДОРОГА ВЕДЕТ К ПРАВУ?

СТАНДАРТЫ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ

Международные и национальные практики

Под ред. Т. Г. Морщаковой

ВЕРХОВЕНСТВО И ПРАВО КАК ФАКТОР ЭКОНОМИКИ

(Международная коллективная монография)

Под ред. А. Г. Федотова, Е. В. Новиковой,

А. Р. Розенцвайга, М. А. Субботина

«ОСОБЫЙ ЦУТЬ» СТРАНЫ

Мифы и реальность

Под ред. А. В. Оболонского

«ОСОБЫЙ ПУТЬ» СТРАНЫ

Мифы и реальность

Под общей редакцией А. В. Оболонского

·МЫСЛЬ·
Москва

УДК 323/324:008(470+571)

ББК 66.3(2Рос)

О-75

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

О-75 **«Особый путь» страны : мифы и реальность** / Г. П. Аксенов, А. В. Оболонский, Д. Я. Травин, В. Л. Шейнис ; под общей редакцией А. В. Оболонского. — Москва : Мысль, 2018. — 172 с.

ISBN 978-5-244-01205-7

Тема так называемого особого пути развития страны относится к числу «вечнозеленых». Но повышенную значимость и эмоциональную остроту она приобретает в периоды неблагополучия, необходимости переоценки своего исторического прошлого и выбора будущего. А именно такой период проходит сейчас Россия. Поэтому авторы рассмотрели тему с самых разных сторон — в сравнительном историческом плане, с точки зрения успехов и неудач разных стран на пути экономической и социальной модернизации, как политическую идеологему, легитимирующую авторитаризм в конъюнктурных интересах государственных властей, как психологическую установку, препятствующую свободному развитию личности, как карту в политической борьбе. Рассмотрен ряд перекрестков российской истории, определивших последующие направления развития страны. Разносторонней аргументированной критике подвергнута популяризируемая и поддерживаемая официальными кругами идея некой уникальной исторической «колеи» России как фактора, якобы исключającego для нас развитие по общему для других успешных стран пути демократии и либерализма. Что на деле ведет к закреплению архаичного патерналистского типа отношений государственной власти и общества, к возрождению репрессивных политических практик в разных областях общественной жизни как орудия в борьбе за удержание власти.

Книга написана в жанре, соединяющем научную основательность и разносторонность с популярностью и легкостью изложения. Поэтому она адресована самой широкой читательской аудитории.

УДК 323/324:008(470+571)

ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-244-01205-7

© Мысль, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	10

АЛЕКСАНДР ОБОЛОНСКИЙ. Химера особого пути —

дорога в цивилизационный тупик	11
Уточнение понятий и связей	13
Самообман «внеценностного» подхода	21
Историческая специфика русской псевдомодернизации	22
«Особый путь» и геополитическая логика как механизмы идеологической легитимации авторитаризма	23
Миф «сакральности» власти	35
Миф фатальности исторической «колеи»	37
Контркультура и перекрестки российской истории	40
Психологический и этический аспекты	46
Цена избыточного экономизма	48
Цена технократизма и технологизма	51

ДМИТРИЙ ТРАВИН. Почему ищут особый путь...

КОТОРОГО НЕТ	55
Национальность Господа	56
Загадочная славянская душа	60
«Мы наш, мы новый мир построим»	63
Германский Sonderweg	66
«Как жалко ползают по земле все нации другие»	69
Путь императора	73
«В крови у нас есть что-то такое...»	76
Путь Достоевского	80
Путь Данилевского	85
Путь Леонтьева	90
Большевистский путь	91
Путь Пигмалиона	94

Зависимость от исторического пути	98
Испанская ловушка, или Ресурсное проклятие	107
Французская ловушка, или Революции вместо демократии	109
Германская ловушка, или Искусство подчиняться	112
Британская ловушка, или «Больной человек» Европы	116
Российские ловушки?	118
ГЕННАДИЙ АКСЕНОВ. ОСОБЫЙ ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА	121
Имяславие страны	121
Природа человека – не в его прошлом	128
Государство – не сакральная общность	134
Последняя уловка	139
ВИКТОР ШЕЙНИС. «ОСОБЫЙ ПУТЬ» РОССИИ:	
РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВА	145
Первая попытка	148
Вторая попытка	156
Перспектива	167

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема так называемого особого пути развития страны относится к числу «вечнозеленых». Но повышенную значимость и эмоциональную остроту она приобретает в периоды неблагоприятия, необходимости переоценки своего исторического прошлого и выбора будущего. А именно через такой период проходит сейчас Россия.

Идея этой книги родилась летом 2017 года на семинаре «Либеральной миссии» под названием «Что такое “особый путь”»: самостоятельная дорога или цивилизационный тупик?». Концепт «особого пути» обсуждался с разных сторон — с точки зрения экономической истории в связи с успехами разных стран на пути модернизации, а также периодами их упадка, как политическая идеологема, эксплуатируемая в конъюнктурных интересах властей, как психологическая установка, как фактор консервативной культурной политики и т.д. В частности, разносторонней аргументированной критике подверглась всячески популяризируемая и поддерживаемая официальными кругами парадигма особой исторической «колеи» России как якобы инвариантного фактора и едва ли не главной нашей цивилизационной ценности. Что на деле ведет к закреплению патерналистского типа отношений государственной власти и общества, к возрождению репрессивных политических практик в разных областях общественной жизни как орудию в борьбе за удержание власти.

По мнению большинства выступавших, превращение концепта «особого пути» в инструмент политиканских манипуляций социально безответственно и опасно для страны. Барьеры, воздвигаемые в разных формах, в том числе — государственными установлениями и «комиссиями», а также устами выступающих от лица государства «мужей», на пути объективного научного осмысления негативных сторон исторического прошлого и возвращающие нас к цензурской

логике времен Николая I, в сочетании с вошедшей в моду некритической идеализацией изживших себя патриархальных форм и институтов, по сути, блокируют перспективу модернизационного развития. Между тем история отнюдь не есть некая «непреодолимая» судьба, а порочный круг прежних ошибок и трагедий может и должен быть разорван. Пресловутое «наследие прошлого» существует практически у всех стран. Оно всегда многозначно. Что открывает простор для избирательности и субъективности. И часто, по сути, те же самые исторические факты одними воспринимаются с романтическим умилением, другими — как кошмар и проклятие. И каждый добросовестный исследователь может найти аргументы если не для оправдания тех или иных прошлых зверств и т.п., то для их объяснения. Но это не должно мешать и во многих странах не помешало формированию демократических политических систем и гражданского общества. В том числе с опорой на общие закономерности и с использованием позитивного опыта стран, более успешных, чем Россия, по критерию благополучия жизни их обитателей.

Обсуждение получилось настолько содержательным и многосторонним, что председательствовавший на семинаре Е. Г. Ясин предложил издать на его основе отдельную книгу. Публикуемые тексты — часть воплощения этой идеи.

Книга содержит тексты, написанные четырьмя авторами. Они до определенной степени различны по стилистике и методам рассуждения, а также рассматривают иногда совпадающие, а иногда разные аспекты этой очень широкой проблематики. Авторы намеренно порой отступают от формальных академических стандартов сухого бесстрастного изложения, а один из нас — даже от использования очень богатого в его случае ссылочного аппарата. Однако мы считаем это не недостатком, а достоинством книги, поскольку это облегчает восприятие основных заложенных в ней идей, позволяя не отвлекаться на «частности». Мы сознательно не пытались привести тексты к единому «знаменателю» по модели печальной памяти коллективных книг советского

времени, заслуживших ироническое наименование «братских могил». Каждый из авторов говорит собственным голосом и в той манере, которую он посчитал в данном случае наиболее адекватной для изложения своих мыслей. А объединяет нас всех нечто гораздо более важное — концептуальное единство в главных вопросах. Надеемся, читатели книги смогут в этом убедиться.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенов Геннадий Петрович — историк науки, Институт истории естествознания и техники Российской академии наук.

Оболонский Александр Валентинович — юрист, политолог, факультет социальных наук Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Травин Дмитрий Яковлевич — экономист, экономисторик, Центр исследований модернизации Европейского университета Санкт-Петербурга.

Шейнис Виктор Леонидович — экономист, политолог, Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук.

АЛЕКСАНДР ОБОЛОНСКИЙ

**ХИМЕРА ОСОБОГО ПУТИ — ДОРОГА
В ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ТУПИК**

Проблематика «особого пути» (далее для краткости — ОП) — одна из «вечнозеленых» тем как для социальных наук, так и для политических дискуссий и деклараций. В науке и публицистике она присутствует как минимум с начала XIX века. Хотя и под другими названиями. Причем с самого начала дискуссии на эти темы отличались повышенным эмоциональным накалом. Иногда, как, например, у первого поколения наших западников и славянофилов, полемика не выходила за рамки доброжелательного взаимного уважения. Но потом она чаще всего скатывалась в агрессивные формы взаимных обличений, как, продолжая тот же пример, произошло с панславистами и их радикализировавшимися либеральными оппонентами уже к середине того века. И в любом случае эмоциональная страстность не способствовала аналитической глубине аргументов, которыми обменивались стороны. О спорах же политических и говорить нечего: они по определению имеют главной целью не выяснение истины и часто даже не приближение к ней, а убеждение в своей правоте сторонников, привлечение колеблющихся и индифферентных и стигматизацию противников. И это не случайно.

Ведь сама постановка проблемы «особого пути» изначально нагружена не просто эмоционально, но и психосоциально. Сознание своей «особости», единственности органически присуще человеку. Может, даже биологически (впрочем, не будучи специалистом в данной области, более конкретно судить об этом не отваживаюсь). И несмотря на то, что на протяжении большей части истории стремление человека к особости, к несводимости личности к набору социальных ролей подавлялось различными формами

принудительного коллективизма, до конца это мало когда удавалось.

Хотя даже и в современном мире работают различные формы деиндивидуализации людей. Порой, увы, весьма эффективно. Во всяком случае, на краткой временной дистанции, как, к примеру, в сегодняшней «крымнашистской» России. Но в наиболее успешных обществах уже не первый век преобладает и развивается персонцентристское сознание. Впрочем, это отнюдь не исключает различных форм коллективизма, объединения людей, но уже не на принудительной, кем-то и как-то предписанной, навязанной, а на добровольной основе. Для начала же разговора по проблеме ОП важно просто напомнить, что это очень человеческое свойство — чувствовать себя не как все, а кем-то отличным, ни на кого не похожим, единственным в своем роде. Так что ОП изначально вещь очень «теплая», «убаюкивающая». Но в то же время она дает простор для массы субъективных, личностных интерпретаций, что увеличивает число людей, относящих себя к категории «особопутейцев». Это, в частности, подтверждает и представленный Кириллом Роговым на семинаре «Либеральной миссии» весной 2017 года анализ динамических рядов пропартийных предпочтений россиян, основанный на данных многолетних панельных опросов «Левада-центра».

Еще можно отчасти рассматривать популярность клише ОП как болезненную защитную реакцию личности на глобализацию, как на психологическую борьбу за признание уникальности своей личности, против «холода» экономического либерализма, да и любых версий исторического детерминизма.

Кроме того, понятие ОП, в силу его большой неопределенности, дает очень широкую почву не только для доброверных, хотя не проясняющих сути дела, интерпретаций, но и для злонамеренных пропагандистских и иных политиканских спекуляций, что сейчас и преобладает в нашем «СМИшном» и прочем политическом дискурсе. Все это придает дополнительную необходимость обратиться к понятийной стороне вопроса.

Уточнение понятий и связей

Начну с некоторых понятийных уточнений, что является необходимым для научного, да и вообще аналитического текста. Тем более что, как было сказано, многие споры об ОП в значительной мере порождены просто разными понятиями этой самой «особости» и к тому же, по вышеназванным причинам, сразу приобретают эмоциональный характер, что не способствует взаимопониманию и тем более выяснению истины. Ведь в каком-то смысле каждая страна идет по своему особому пути. Было бы нелепо это отрицать. Разумеется, и история у всех разная, и специфика национальная очень важна. Но в данном случае речь о другом — об инвариантах экономического, социального, политического устройства общественной жизни, а более глубоко — о сути стоящих за ними человеческих взаимоотношений. А их, в предельном варианте, не так уж и много. Базовая альтернатива, на мой взгляд, лежит в плоскости вопроса: что приоритетней — государство или человек, управление сверху или личная инициатива, «вертикаль» или «горизонталь»? В свое время в книжке «Драма российской политической истории: система против личности», посвященной анализу критических перекрестков нашей истории на протяжении четырех столетий, я ввел понятия «системоцентризм» и «персоноцентризм», что, как мне представляется, отражает суть глубинной оппозиции двух типов общественного устройства¹. Кратко напомним суть подхода.

На уровне «идеальных типов» все существовавшие до сего времени человеческие цивилизации, при всем огромном многообразии их конкретных культурно-исторических вариаций, можно тем не менее рассматривать как реализацию в различных формах двух противоположных традиций, двух взаимоисключающих взглядов на мир. Это си-

¹ См.: Оболонский А. В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994; Он же. Человек и власть: перекрестки российской истории. М., 2002.

стемоцентризм и персоноцентризм. Печать этих двух традиций лежит практически на всех областях общественной жизни. Фундаментальное различие между ними состоит в полярности их ценностных шкал. В персоноцентристской шкале индивидуум является высшей точкой, «мерой всех вещей», говоря словами Протагора. Все явления как природного, так и социального мира (не говоря уже о мире духовном, внутреннем) рассматриваются сквозь призму человеческой личности. В системоцентристской шкале индивид либо вообще отсутствует, либо рассматривается как нечто вторичное, вспомогательное, способное принести пользу или навредить лишь с точки зрения достижения неких более значимых, «высоких» надличностных целей. В ней отсутствует представление о самоценности человеческой индивидуальности, о том, что смысл человеческой жизни не сводится к ее вкладу в поддержание и развитие какой-либо более широкой системы. Индивид в этих построениях всегда есть средство и никогда — цель. Персоноцентристской же традиции соответствует тип мышления, определяющий пафос которого, напротив, — личностная ориентация, признание неповторимости духовной сущности, автономности и самоценности каждого человека, а его значение не сводится к его месту, функции в социальных, природных или других системах. Иными словами, системоцентристская традиция предполагает заведомое главенство интересов целого, т.е. общества, а практически в первую очередь имеющих возможность выступать от его имени лиц, тогда как персоноцентризм исходит из высшей ценности частного интереса, т.е. из главенства интересов и прав отдельной личности. Разумеется, в исторической реальности удельный вес учета ее интересов различался, иногда до несопоставимости, но в данном случае важен сам принцип.

Основой системоцентристского инварианта является традиционализм — ориентация не на развитие, а на стабильность отношений внутри Системы как на высшую ценность. (Слово «Система» используется здесь не в политическом, а в более общем смысле.) В современной реальности это

означает даже не просто застой, как в брежневские времена, а деградацию и в экономике, и в разных областях социальной жизни, что мы сейчас и наблюдаем. Ориентация на воспроизводство одних и тех же условий определяет неразвитость и неприятие индивидуалистского сознания, полусознанное, как правило, отождествление своих интересов с интересами социального целого — рода, племени, общины или более широких образований. А Система, в свою очередь, сохраняет устойчивость лишь благодаря соответствующему поведению своих членов. Любопытно, что господство в обществе подобного мировоззрения отнюдь не гарантирует против мятежей и прочих социальных катаклизмов. История знает множество кровавых бунтов в традиционных обществах. Но все такие движения направлялись не против Системы как таковой, а против отдельных лиц и группировок, злоупотреблявших, по мнению массы, своим привилегированным в ней положением и тем самым угрожавших ее стабильности. Неслучайно народные восстания в традиционных обществах, как правило, проходили под флагом идеи «добротого царя», и, когда оседала пыль восстания, основные бастионы Системы оказывались не только неповрежденными, но и порой еще более прочными.

И многие выразители теории ОП рассматривают его как некую константу, как раз и навсегда заданную стране или иной общности модель развития, с чем я не согласен и постараюсь ниже это аргументировать. Но пока обсудим другие понятийные моменты. Ведь проблема особого пути, как и еще более обшая проблема модернизации, которой во многом посвящен текст Д. Я. Травина, имеет множество аспектов. Затрону лишь некоторые. Прежде всего, замечу, что особый путь, предполагающий несменяемость исторической «колеи», основан на сугубо эволюционистском когнитивном подходе, что представляется в данном случае неадекватным допущением. Ведь, как известно еще из базовых основ классической философии, динамике сложных систем, одной из которых является общество, присуще не только количественное развитие, но и качественные скачки.

И смена «колеи», переход на другую траекторию развития — как раз один из вариантов такого скачка.

Модернизация как понятие имеет множество значений и определений. Не вдаваясь в данном случае в понятийные дискуссии, просто отграничу используемое в данном тексте ее понимание от других. Ведь определить в определенном смысле — значит определѐить, т.е. отделить от всего прочего. Поэтому для меня здесь модернизация — это не просто реформы, даже самые широкие, и не их совокупность, а другое — изменение инварианта системы отношений в паре «человек — власть», «человек — общество». Объем текста не позволяет углубляться в эту тему, которую я в свое время подробно рассматривал в дихотомии системоцентризм — персоноцентризм.

Особый путь же вообще не обязательно предполагает модернизацию, а, напротив, может представлять собой консервативную утопию, ностальгию по некогда существовавшему, но «утраченному раю», «золотому веку». Главное в ней иное — подчеркивание своей исключительности, непохожести на других, в пределе даже уникальности. При этом она не обязательно носит положительный, оптимистический характер, а может, напротив, подчеркивать исключительность страданий, бед, несчастий, выпавших на долю того или иного народа. В религиозном сознании это связывают с «богоизбранностью», со страданиями за веру, а психоаналитики называют опытом «разделенной травмы». Но чаще всего это связано с памятью о тяжелом военном поражении, о потере независимости. Причем ни реальная фактология, ни даже давность исторического события особого значения не имеют. Это может быть как «веймарский синдром», овладевший немцами после совсем свежего тогда проигрыша Германией Первой мировой войны, так и внезапно воскресшие и активизировавшиеся уже в совсем недавние времена почти до степени паранойи воспоминания сербов об их разгроме турками-османами в Косовской битве почти 600 лет назад. Важен не столько факт, сколько символ.

Вообще, сама по себе идеологема «особого пути» — вещь не оригинальная. А предметом анализа в культурологическом смысле являются различные цивилизационные инварианты, лежащие в основе выбора пути. И для меня, повторяюсь, модернизация не просто совокупность реформ, а изменение основ системы отношений. А «особый путь» в одних случаях имеет модернизационный смысл, как в истории США, в других — подчеркнуто традиционалистский, как, например, в Японии до эпохи Мэйдзи. Главное, что их объединяет, — претензия на ту или иную форму национальной исключительности. Порой это не лишено комизма. Так, в странах Латинской Америки одно время пользовались популярностью клише, звучащие для нашего уха забавно и узнаваемо: «аргентинская державность», «особая чилийская духовность», «уругвайская всечеловечность», «перуанский народ-богоносец». Разумеется, каждое в «своей» стране. Пожалуй, впору оговориться, что возможные аллюзии автор оставляет на усмотрение читателей!

Но, превращаясь в инструмент политиканской эксплуатации и манипуляции, эта «забавность» может привести к катастрофе. Известно, куда завел Германию *Zonderweg*. Это понятие родилось в Германии в период зарождения национального романтизма, было очень популярно в первой половине XX века, но ныне полностью вышло из «моды» вместе с осознанием того, куда этот особый путь завел. Трагическая история его выдвижения на политическую авансцену в веймарской Германии и социально-психологические типы личности, ставшие его «мотором», в художественной литературе описаны Л. Фейхтвангером, Т. Манном, Б. Брехтом, а в научной аналитике — Т. Адорно, Э. Фроммом, Х. Арендт. А из совсем свежих книг весьма рекомендую Б. Хаффнера¹.

В целом представляется, что идеологема ОП есть легитимация социальной философии вражды, новое издание социал-дарвинизма.

¹ См.: Хаффнер Б. История одного немца : Частный человек против тысячелетнего рейха. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2016.

Впрочем, есть еще один нюанс, придающий идеологии ОП дополнительную привлекательность и кажущуюся интеллектуальную респектабельность. Это ее внутренняя связь с концепциями и практикой мультикультурализма, бывшими столь популярными в течение нескольких десятилетий вплоть до самого последнего времени. Лично мне думается, что эта связь во многом искусственна и основана на некорректной подмене и неоправданной расширительности понятий, на представляющейся малоубедительной идее равноценности всех культур. Но данная тема требует специального рассмотрения за пределами задач настоящего раздела, тем более что в книге есть специальная культурологическая глава.

Для темы также представляется важным уточнить понятия патриотизма и псевдопатриотизма. Это очень неоднозначная и подверженная спекуляциям категория. У нас сейчас в моде называть словом «патриотизм» громкое, демонстративное выражение солидарности с любыми действиями власти, особенно на внешнеполитическом направлении. Но это, на мой взгляд, явная подмена понятий. Патриотизм отнюдь не предполагает обязательного согласия с политической начальства. В одних случаях это так, но в других совсем напротив. Если человек, партия, просто группа людей считает, что политика наносит стране и ее гражданам ущерб, то в их понимании патриотично ей противостоять. На этом, собственно, и основана демократическая состязательность. А «безоговорочная поддержка» власти, столь знакомая по советским временам — явление совсем иного характера. Шумный лоялизм и активизм — симулякр, имитация настоящего патриотизма, предполагающего заботу, беспокойство о судьбах страны.

Патриотизм отнюдь не синоним верноподданности, низкопоклонства перед политической верхушкой. Известны, в частности, яркие суждения на сей счет Л. Н. Толстого относительно спекуляций на патриотических чувствах и стереотипах приближенной к престолу «великосветской черни» и клерикальных кругов. В своей поздней работе

«Христианство и патриотизм» он говорил о «гипнотизации» народа посредством разжигания патриотизма: «То, что называют патриотизмом в наше время, есть только, с одной стороны, известное настроение, постоянно производимое и поддерживаемое в народах школой, религией, подкупной прессой в нужном для правительства направлении, с другой — временное, производимое исключительными средствами правящими классами, возбуждение низших по нравственному и умственному даже уровню людей народа, которое выдается потом за постоянное выражение воли всего народа. Патриотизм... есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти»¹.

И еще приведу цитату из почти забытого публициста второй половины XIX века Варфоломея Зайцева: «Есть два манера любить свой народ и свое отечество. Первый манер любить его так, как каждый из нас любит хорошее жаркое. Этот способ любви чрезвычайно психологически прост и понятен каждому идиоту, почему идиотами и признается единственно нормальным... Относясь беспристрастно к своей родине, мы видим в ней вместо сочного жаркого одну из самых обездоленных частей земного шара... Официальные патриоты заинтересованы в том, чтобы она такую и оставалась, так и в этом виде она представляет им вкусное блюдо, снабжая в изобилии севрюжиной, морошкой и рябчиками. Мы же заинтересованы в том, чтобы вывести родину из этого невзрачного положения. Беспристрастный человек может легко рассудить, чей патриотизм бескорыстнее и чьи стремления выгоднее для самой родины»². Написано будто вчера и про нас, не правда ли?! Мне даже представляется, что первый «манер» патриотизма по Зайцеву скорее заслуживает имени антипатриотизма, ибо он объективно направлен

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 39. С. 65.

² Зайцев В. Ф. Наш и их патриотизм // Прометей. 1966. № 1. С. 295—296.

против полноценного развития страны в интересах подавляющего большинства ее граждан.

Но именно такой квазипатриотизм нагнетается сейчас по медийным и иным «усилителям», подменяя естественно присущие большинству людей теплые чувства к своей стране, ее людям, малой родине «патриотизмом» казенным, фетишизирующим власть и любые ее действия, выдающим ее за главный стержень, на котором держится страна, и навязывающим ее демонстративную поддержку.

Когда-то, пожалуй, наиболее глубокий и едкий из критиков российского казенного имперского самосознания — М. Е. Салтыков-Щедрин — ядовито заметил: «Начальство полагает, что наилучшее выражение патриотизма заключается в беспрекословном исполнении начальственных предписаний»¹. Но даже и некоторые «внутриаппаратные» люди, служившие на государственной ниве в реакционные времена царствования Николая I, негативно относились к модным и тогда лишенным реального содержания якобы патриотическим выкрикам. Так, известный своими мемуарами государственный цензор А. В. Никитенко с негодованием писал: «Что это за люди эти педанты-патриоты, которые думают, что для того, чтобы прослыть народными, достаточно кричать, кричать, кричать во все горло: “давайте будем патриотами, давайте будем народными!”». Они забывают, что прежде всего надо быть человеком, и притом честным. Патриотизм есть плод чести: а где у нас эта честь»². А Герцен уничижительно характеризовал этот тип как «петербургский патриотизм, который похваляется количеством штыков и опирается на пушки», а также как «патриотический сифилис».

Тонкая красная линия отделяет патриотизм от поначалу почти незаметного перерождения его в национализм. Дальнейшее происходит уже по иной логике, по законам,

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Признаки времени // Полн. собр. соч. СПб., 1906. Т. 7. С. 171.

² Никитенко А. В. Дневник в трех томах. Том 1. М., 1955. С. 136.

описывающим, например, движение под гору. Вспомним Н. А. Некрасова: «Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей». А «начальстволюбие» к тому же часто и совсем не бескорыстно. В завершение темы вспомним Салтыкова-Щедрина: «Что-то на патриотизм стали налегать, видно, сильно проворовались».

Самообман «внеценностного» подхода

Я не считаю полную идейную индифферентность, идеологическую стерильность таким уж необходимым атрибутом «научности», объективности. Более того, полагаю, что так называемый внеценностный подход (value free approach) в лучшем случае добросовестный самообман исследователя. Разумеется, убеждения, политические ориентации, тем более чувства не должны влиять на объективность в процессе научного анализа, особенно на его технологическую часть. Но полностью абстрагироваться от своих взглядов невозможно не только в политике, но и в науке, да и вообще в самых разных областях человеческой деятельности. Этот фактор нельзя элиминировать. Его следует учитывать как данность, как неизбежность, не закрывая на него глаза. Именно так, по-моему, можно блокировать возможный вред от человеческой субъективности, предвзятости. Поэтому позиция исследователя, заявляющего о своей полной эмоциональной отстраненности от социального или гуманитарного объекта изучения, о своем холодном (или даже «циничном») безразличии к результатам не вызывает ни солидарности, ни даже особого доверия, а кажется скорее неким интеллектуальным лукавством.

В социальных науках, в отличие от наук естественных, определенная субъективность исследователя — неустранимый элемент познавательного процесса. Ценностная заданность его неизбежно присутствует и при выборе темы, и при формулировании гипотез, и при интерпретации результатов.

Это данность, от которой не уйдешь. Другое дело, что ее присутствие правомерно лишь на концептуальных, т.е. начальных и заключительных, стадиях исследования, но не на стадии сбора и анализа материалов. Там, во избежание предвзятости, ценности и убеждения должны быть «заперты на ключ». Это необходимое условие научной достоверности исследования, отличающее его от псевдонаучных, тем или иным образом ангажированных штудий, которыми, в частности, отличаются опросы и выводы большинства наших политологических и социологических центров.

Думаю, на неизбежность «человеческого» в любой интеллектуальной деятельности просто надо не закрывать глаза, а принимать ее во внимание, учитывать и при необходимости на нее воздействовать, например на стадии отбора людей для решения той или иной задачи. Скажем, я не скрываю своих либеральных убеждений, но полагаю, что это не наносит ущерба моим исследовательским занятиям, а в каких-то случаях, надеюсь, даже может повысить их ценность в обобщенном плане.

Но, вообще, данная дилемма присуща не только науке. Например, врач, разумеется, не должен «плакать» над пациентом, особенно во время операции. Но другая крайность (а я как-то слышал от одного врача, подвизающегося в медицинской науке, что больной его интересует главным образом с точки зрения эксперимента), по-моему, гораздо хуже. А по нынешним временам в тот же ряд можно поставить и «интерес» к больному лишь как к источнику получения прибыли, к «дойной корове» для медиков. Полагаю, особые комментарии не нужны.

Историческая специфика российской псевдомодернизации

В России исторически преобладал симбиоз традиционалистских геополитических целей и современных средств их достижения. Вообще, милитаризм, казарменный стиль

российской модернизации — имманентный атрибут нашего «особого пути», от Петра до Сталина¹.

Яркий пример — петровская модернизация начала XVIII века. Я даже предпочитаю называть ее псевдомодернизацией, ибо ее прагматичной целью было не изменение, а укрепление все того же деспотического *ancien régime* путем придания ему большей функциональной эффективности за счет использования готовых западноевропейских средств при сохранении, говоря словами В. О. Ключевского, традиционного московского «тяжелого, угнетательного отношения к людям». Петр обратился к Западу отнюдь не за цивилизацией, а за ее плодами, он «искал на Западе техники, а не цивилизации»². Его ведущей идеей в этом отношении было взять инструменты, прежде всего военного характера, но отнюдь не дух свободы и поощрения инициативы, их породивший. Весьма знаменательны записанные за ним Остерманом слова: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом»³.

«Особый путь» и геополитическая логика как механизмы идеологической легитимации авторитаризма

В России XX и начала XXI века идеологема «особого пути» и связанная с ней мифология — одна из главных основ политической легитимации современного авторитарного режима. Сама эта идея имеет достаточно обширное историко-фактологическое обоснование, позволяющее построить на этой базе внешне убедительные, хотя, на мой взгляд, односторонние аналитические конструкции. Я сам в свое время отдал

¹ См.: Куда ведет кризис культуры? : Опыт междисциплинарных диалогов. М. : Либеральная миссия, 2011.

² Ключевский В. О. Курс русской истории : в 8 т. М., 1958. Т. 4. С. 22.

³ Там же. С. 372—373.

ей дань, посвятив две книги комплексу связанных с этим проблем и «судьбоносным» перекресткам российской жизни за четыре века, и, в общем, не отказываюсь от ее концептуальной основы. Но в данном случае хочу сосредоточиться на другом — на политико-идеологическом смысле и последствиях концепции «особого пути».

У больших наций и государств, таких как Россия, идеологема ОП склонна соединяться с другой идеологемой — геополитикой. Если не входить в нюансы, то геополитика (сейчас ее предпочитают называть мировой политикой) — это государственная идеология и обслуживающая ее научная дисциплина, в основе которой лежит социал-дарвинистский взгляд на мир исключительно как на арену «внутривидовой» борьбы государств, борьбы, в которой меняются задачи, методы, промежуточные цели, но не сама суть: народы — враги, мир — ринг, государства — бойцы на нем, а конфликт — основа основ существования и взаимоотношений. Союзы, блоки и т.п. лишь тактические уловки, не меняющие глубинной враждебной сути. Взгляд на соседей «через оружейный прицел» как законченная идеологема стал влиятельным во многих европейских странах на рубеже XIX—XX веков, но в предельных формах, как основа государственной политики, воплотился позже — в нацистской Германии и СССР.

Этот геополитический фантом стоил человечеству двух мировых и множества «малых» войн, а также неизбежно сопутствовавших им войн с «внутренними врагами», принеся людям неисчислимые беды и страдания. Словом, геополитика — насквозь пропитанный кровью вид ложного сознания. Он и основанные на нем драмы, разумеется, должны изучаться и анализироваться, но как история болезни человечества, как своего рода политическая криминология. Иное, т.е. взгляд на мир как на модель анализа шахматной партии, где целые народы лишь фигуры на доске, а люди в лучшем случае пешки, а то и просто пылинки, есть не что иное, как апологетика государственной преступности. Он не просто внегуманитарен, а аморален в своей основе и может

привести человечество лишь к новым безднам горя, унижений, гибели масс невинных людей.

Казалось бы, страшные уроки минувшего столетия должны бы начисто отвратить людей от подобных представлений, а саму геополитическую логику отправить на свалку истории. Подход к международной политике как к «игре с нулевой суммой», в которой выигрыш одного обязательно предполагает проигрыш другого, идеологически полностью дискредитирован. Но это, увы, не уничтожило его практическую живучесть. «Мертвый хватает живого».

Слишком уж удобна вся эта политическая алхимия для тех, кто благодаря ей вдруг может ощутить себя вершителем судеб мира (или по крайней мере судеб миллионов), да еще и получать с этого разного рода дивиденды. Выгодно это и обслуживающему их персоналу. А его немалое число — и в более низких коридорах власти, и в среде прикормленных экспертов, и в подконтрольных СМИ. Задача этих «ученых приказчиков» и идеологических «портных» — облекать античеловечные цели в пристойные квазиидеологические одежды, подкрасить их политологическим макияжем, а то и подсказать какие-нибудь циничные «политтехнологические» приемы. Дипломатия и ее научная прислуга живут в «шахматной» логике времен холодной войны, мировых «горячих» войн, унесших жизни минимум 60 миллионов человек и искалечивших жизни целых поколений. СМИ же, в буквальном смысле слова вооружившись новейшими технологиями, используют их для дезинформирования, а то и для «манкуртизации» (вспомним знаменитый в 1980-е годы роман Чингиза Айтматова) людей.

Деятельность наших главных телеканалов по «освещению» событий в Украине, да и вообще по отношению к некоему мифическому «западу», якобы уже который век безуспешно пытающемуся уничтожить Россию, — ярчайший, почти беспрецедентный образчик целенаправленного дезинформирования и оболванивания населения. Милитаристская пропаганда ненависти к «высочайше назначенному» врагу, будучи реакционной и очевидно архаической

по своей сути и формам, при этом, к несчастью, оказалась довольно эффективной благодаря использованию современных технологических инструментов и порой довольно изощренных приемов. Я согласен с мнением, что режиссеры и исполнители этой кампании тем самым вычеркнули себя из журналистской профессии. Ибо профессия журналиста, как и любая из «высоких» (определение Макса Вебера) профессий, предполагает не только владение практическими профессиональными навыками и умениями. Она включает и моральный, ценностный компонент. Практика разжигания ненависти, так называемый hate speech с ней несовместимы.

Между тем возрождаются и даже «обосновываются» неомперские химеры. Вторую жизнь получают в лучшем случае полунучные, а зачастую и просто мифологические, поэтизированные представления о некоей «исторической родине» этносов и якобы вытекающих отсюда их преимущественных правах на свои «исконные» земли. Затем происходит квазиюрисдизация этнического. Старинные границы государств, либо давно уже канувшие в Лету, либо полностью изменившиеся, или, напротив, отсутствие границ, а в прошлом и некоторых государств превращаются в предметы эмоциональных спекуляций, межэтнических проклятий и заклинаний. Потом эти фантомы начинают обрастать плотью. Некие новые «справедливые» границы рисуются на картах, фигурируют в политических декларациях и речах. В итоге они интериоризируются в массовом сознании как некая мечта об утраченном. Это становится потенциальным горячим материалом, ждущим политической «искры». И порой, рано или поздно, такая искра возникает. Так было в начале 1990-х в Югославии, в конце 1990-х в Косово, в 2014 году — на территории Украины.

В современной России жажда перекройки границ соединилась с ностальгией по «утраченной великой стране» и, к несчастью, нашла благодатную почву. Простая мысль, что внешняя политика должна лишь обслуживать политику главную — внутреннюю, поскольку именно последняя

напрямую связана с интересами граждан страны, а не отражать некие химеры, рожденные в мозгу рассуждающих у крупномасштабных карт и глобусов политиканов и их присных, как-то пока не очень укладывается в обыденное сознание. И это вопреки тому, что отнюдь не сами политики и не обслуживающая их придворная идеологическая «челядь», а обычные люди расплачиваются своими жизнями и лишениями за их политические амбиции и мании величия.

Пораженность массового сознания россиян посттоталитарным вирусом оказалась куда серьезней, чем казалось еще недавно. И, что для многих оказалось совсем уж неожиданным, не сработал «принцип Моисея», согласно Библии 40 лет водившего по пустыне народ Израиля, чтобы выросло и вошло в силу новое поколение, не знавшее рабства. Популярные еще совсем недавно разговоры о «поколенческом» факторе, о том, что смена поколений автоматически меняет доминирующие в массовом сознании ориентации и идеалы, о «первом свободном поколении» потеряли значительную долю своей убедительности, во всяком случае до событий весны 2017 года. (Новый виток молодежного протеста — самостоятельная и крайне важная тема, но оставим ее за пределами обсуждаемой и так весьма широкой проблематики.) Очень многие молодые люди, не заставшие советского режима со всеми его атрибутами, оказались поразительно уязвимы для лишь слегка подновленных традиционных идей «сильной руки», национализма, имперскости, даже сталинизма. При этом в последние годы болезнь перешла в злокачественную стадию милитаристских восторгов и шовинизма. Разумеется, большую, а многие считают — решающую роль сыграло перманентное и беспрецедентное по интенсивности инфицирование массового сознания главными телевизионными каналами, которое А. Л. Кудрин, на мой взгляд, довольно точно охарактеризовал как «информационную войну власти против своих граждан». Но констатация этого неоспоримого факта не дает ответа на вопрос о причинах отсутствия иммунитета к хотя и шумной, но достаточно примитивной пропаганде.

На мой взгляд, тут может помочь концепция кризиса, связанного со сломом прежней идентичности. Не берусь судить, насколько осознанно, но по факту в качестве политического приоритета была принята идеология восстановления статуса «великой России» на базе негативной идентичности, основывающейся на реинтерпретации ее истории в имперском духе и даже стиле XVIII века. В отсутствие позитивного образа будущего страны она оказалась весьма эффективной в социально-психологическом плане. Были оживлены «бородатые» мифы о России как наследнице Византии и даже Римской империи, о ее положении центра православного мира, извечными супостатами которого являются либеральный Запад и внутренние враги — «пятая колонна». Дело дошло даже до шагов по реканонизации таких классических извергов, как Иван IV и Сталин. И подобные мифологемы, увы, нашли горячий отклик в массовом сознании, целенаправленно и предельно цинично зомбированном главными телеканалами. Возродился феномен, охарактеризованный еще Герценом как «петербургский патриотизм, который похваляется количеством штыков и опирается на пушки».

Один из симптомов болезни — мистическое одушевление государства, на котором держится государственническая мифология, обыгрывание его «особой роли» в российской истории. Хотя, как известно, эта «особость» состояла в избыточности и античеловечности государства, в подавлении человека, в вытравливании у него инстинкта свободы и способности к самоорганизации, в систематическом унижении человеческого достоинства. Вновь вспоминается классическая формула Ключевского: «Государство пухло, а народ хирел».

К несчастью, она во многом актуальна и применительно к сегодняшнему дню. Происходило и происходит целенаправленное нагнетание имперской идеологии с сопутствующими рассуждениями о «российской исключительности», «всемирной миссии» и т.п. Расчетливо и цинично эксплуатируются присущие людям патриотические чувства, шулерски

подменяемые идеями «государственного величия», якобы «естественных» геополитических интересов и целей, мифологемы «русского мира» как особой цивилизации и т.п. На эту «удочку» попадают разные социально-психологические типы. Так, на юго-востоке Украины мы могли видеть, как патриотизм стал психологическим прибежищем для людей, живущих в плену разного рода химер. Не берусь давать их полную классификацию, но «навскидку» среди них присутствуют и романтики, и криминальные элементы, и просто любители пострелять и повоевать (иногда таких называют «псы войны»), и даже люди с садистским и некрофильским типами сознания.

К этому прибавляются фантомные боли так называемого постимперского синдрома. Мы, впрочем, в этом не уникальны, в относительно мягкой форме подобное после распада Британской империи пережила Англия, а в форме более тяжелой, в итоге закончившейся аншлюсом со всеми последствиями, — Австрия после краха империи Габсбургов. Но это слабое утешение.

Сегодня российский национальный комплекс неполноценности нашел мишень в Украине, граждане которой проявили героическое стремление вырваться из порочного круга «постсоветскости» и по многим параметрам преуспевают в этом, несмотря и на собственные вериги ментальности и вульгарного национализма, и на отнюдь не преодоленную коррупцированность во всех эшелонах власти, и на сброшенный на них с циничным расчетом груз консервативного синдрома «братского» народа, и на тяжелейшую и всячески усугубляемую соседом экономическую ситуацию. Причем проявляется у нас этот комплекс в самых мерзких и уродливых формах. Разумеется, он оживил и извечные, традиционные образы «врагов» — Америку и вообще Запад.

Причины устойчивости комплекса неполноценности и боязни открытого мира, пути и шансы его преодоления — тема отдельная и очень серьезная. Думается, ее прежде всего надо обсуждать в категориях глубокой ценностной деформации и деградации общественного сознания. Здесь же

ограничусь одним моментом, которому, впрочем, ряд ученых придают статус «главного парадокса эволюции». Имеется в виду нарастающий разрыв между «когортой» продвинутых, широко рефлексирующих людей и всеми остальными.

По мнению Е. Балацкого, «система, т.е. некая целостность (общество), поступательно развивается и усложняется (умнеет), в то время как существенная часть ее (индивидуумы) деградируют и упрощаются (глупеют)». Он считает, что одна из причин этого — приоритет частных знаний (технологий, компетенций) над знаниями общими. Балацкий даже выдвигает звучащую весьма алармистски гипотезу о «тенденции интеллектуальной деградации современного человека»¹. Не вдаваясь в полемику вокруг этого, безусловно, ее заслуживающего взгляда, скажу лишь, что к нынешней ситуации пугающей эффективности примитивных геополитических агиток и страшилок, изготовление которых поставлено на поток нашим телевидением, он имеет прямое отношение.

Симптомы «понижающей адаптации» (по Леваде — Гудкову), да и попросту моральной и неизбежно сопутствующей ей интеллектуальной деградации, проявляются повсюду, как на личностном, так и на групповом уровне. Даже на таких, казалось бы, далеких от политики и развлекательных мероприятиях, как День города. Так, во время праздника в честь 868-летия основания Москвы в сентябре 2015 года на Красной площади, прямо на Лобном месте, поставили подобие эшафота и была разыграна сценка, по сюжету которой «опричники» должны были казнить персонажа, избравшего антироссийскую «пятую колонну». А в другом месте два актера в форме солдат екатерининских времен секли розгами человека в колодках, приговаривая: «Будешь знать, как бунтовать против государя нашего». Трудно предположить, что это могло быть несанкционированной художественной акцией.

¹ Балацкий Е. В. Закономерности и парадоксы социальной эволюции // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 139.

Поневоле хочется обратиться к провокативной, но отнюдь не лишенной элементов серьезности теории об угрозе захвата мира породой зомби — разновидностью вурдалаков, обретших человеческий облик, и книге на эту тему. Согласно ей, зомби живут среди людей и часто нераспознаваемы. У них есть и «коллективная идентичность», и способы обращения обычных людей в свою породу, и многое другое, вплоть до «зомби правительств» и «зомби государств». Разумеется, во всем этом много сатиры в свифтовском или чапковском духе. Но есть и вполне серьезный алармистский «сухой остаток». Ведь книгу — о зомби в международной политике — написал не кто-нибудь, а серьезный специалист по теории международных отношений, профессор Принстона Дэниэл Дрезнер¹.

Иногда идеологема особого пути носит более оборонительно-изоляционистский характер, как в брежневские времена, иногда, как в последнее десятилетие, — агрессивный. Причем агрессия может облекаться и в мессианскую форму, как, например, идея мировой революции, деятельность Третьего интернационала, «возвращение» Крыма. А при политическом провале она легко переходит в изоляционизм.

При этом для ее конструирования реальные исторические факты особого значения не имеют. Они тасуются, одни замалчиваются, другие выпячиваются, оживляются, заново интерпретируются, а то и конструируются пропагандистски удобным в настоящий момент образом. Задача конструкторов-политтехнологов и пропагандистов — в первую очередь ангажированных СМИ — состоит совсем в другом. Прежде всего в легитимации status quo и стигматизации любых попыток его изменить. «В российском случае это централизованная власть, при которой роль персон у “рычагов” правления важнее законов. Идея “особой цивилизации”, в которой роль властвующих лиц неизмеримо большая, чем принято в демократических государствах. Эта же идеология призвана

¹ См.: Drezner D. W. *Theories of International Politics and Zombies*. Princeton : Princeton University Press, 2011.

решать задачи политической терапии... Внедрение в массовое сознание представлений об “особой цивилизации” и ее “особом пути” должно выполнить функцию санитарного кордона, препятствующего проникновению в Россию “чуждых” ей либеральных и демократических веяний»¹.

В XXI веке это в первую очередь связано с переменами во внутренней политике, поскольку произошло в годы, когда либеральные реформы 1990-х сменились контрреформами последующих, «путинских» лет. Внешняя же политика в ее геополитическом воплощении стала своего рода переключателем для массового сознания. За последнее десятилетие концепт «особого пути» занял непомерно большое место как в массовом, так и в «просвещенном» сознании наших соотечественников. Одни — условно назовем их «патриотами-государственниками», его лелеют и пестуют. Другие — опять же условно «западники» — относятся к нему как к несчастью или по меньшей мере как к плохому климату, в котором им, их предкам и потомкам выпало жить и умереть. Но и те и другие трактуют его как нечто фатальное, как якобы нашу непреодолимую судьбу в духе греческих трагедий.

Живучесть мифа «особости» часто объясняют его якобы укорененностью в глубинах национального сознания. Я с этим не согласен. Во всяком случае, в его нынешней редакции он является «верхушечной» идеологической конструкцией, созданной и используемой для текущих, весьма практических, даже приземленных нужд людьми, которых я бы назвал полупросвещенными «патриотами». Ведь и «концепция суверенной демократии» имеет отнюдь не народное происхождение, а зародилась в конкретных мозгах и с вполне определенными целями. То же относится и к претендующим на научность идеологемам «ресурсного», даже «сословного», государства и административного ресурса, выдаваемым за якобы неотъемлемый элемент рос-

¹ Яковенко И. Русская репрессивная культура и модернизация // Куда ведет кризис культуры. М., 2011. С. 130.

сийской специфики. Ими объявлены якобы нашей имманентной нормой и клиентельные отношения между держателями админресурса и потребителями государственных услуг. И все это ввел в оборот и легитимировал как нашу якобы естественную и неизбыточную специфику отнюдь не народ, а прикормленные «ученые приказчики», основная «идеология» которых состоит в том, чтобы удачно склеить, реанимировать еще существующие, но отнюдь не доминирующие патриархальные стереотипы массового сознания и исходящий «сверху» заказ¹.

Мифотворческое «оправдание» настоящего через ссылки на прошлое, с моей точки зрения, означает отсутствие иных аргументов. Взгляд на историю как на настоящее, опрокинутое в прошлое, в исторической науке обычно называют «презентизмом». Думается, концепт «особого пути» подходит под это определение.

Впрочем, с теми «профессионалами-особистами», которые напрямую кормятся от мифа «особости», все более или менее понятно. Деятельность таких интеллектуалов-мифологизаторов представляет интерес не в научном, а совсем в иных аспектах, прежде всего в плане социальной (а в некоторых случаях, может, и не только) ответственности. Они не заслуживают научного текста и анализа.

Гораздо больше требует осмысления другое — по меньшей мере двойной, на мой взгляд, негативный эффект мифа особости. Во-первых, он, как любая легитимация фатальности, оказывает на людей упадническое, деморализующее, обезоруживающее воздействие, подавляя в них потенциал инициативности, желания добиваться перемен к лучшему. Он порождает уныние, которое, как известно, считается одним из тяжких, «смертных», грехов. Во-вторых, он служит как бы лукавым самооправданием по модели «ничего нельзя сделать, все предопределено», а на самом деле формой пассивной адаптации, способом «выживания» в якобы раз и навсегда заданных и непреодолимых условиях. А это, на мой

¹ См., напр., работы С. Г. Кордонского.

взгляд, напрямую связано и с евразийством, и с концепцией особой российской цивилизации.

В основе концепции особой российской цивилизации, полагаю, лежат цели, далекие от декларируемой «подлинной духовности», и весьма приземленные практические интересы определенной группы лиц. Убедительно, по-моему, показал это Э. Паин в книге «Распутица». Противопоставив объективное научное знание мифологии культурной предопределенности, он приходит к выводу, что «концепция “особой цивилизации”, обуславливающая и “особый путь”, и “особую демократию” России, — весьма распространенный в мировой практике способ оправдания незыблемости авторитарных режимов» и есть не что иное, как идеологически ангажированная геополитическая спекуляция в интересах определенных групп, а ее навязывание имеет простую и прозаичную цель — исторически «освятить» сложившийся в 2000-е годы политический режим с его «вертикалями» и патернализмом¹.

А уж плоды западной цивилизации не просто подходят, а всюю используются именно самыми громкими и скандальными антизападниками. Вспомним, где приобретают собственность, отдыхают, лечатся, учат детей члены нашей псевдоэлиты.

На мой же взгляд, приписывание массовому сознанию россиян некоей тотальной, непреодолимой подчиненности химере «особого пути» выглядит как своего рода «расизм наоборот» и равносильно тезису о нашей национальной неполноценности едва ли не на уровне неких генетических дефектов. Как минимум в нем есть и избирательная примитивизация реальности, и что-то вроде «стокгольмского синдрома». Но даже самое критическое видение всех трагедий и несуразностей нашей истории и современности не дает оснований для подобного заключения. Да и отнюдь не только нашей, как уже говорилось. Так что и здесь мы отнюдь не уникальны.

¹ См.: Паин Э. А. Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России / РОССПЭН. М., 2009.

Миф «сакральности» власти

Некоторые из либеральных аналитиков российского «кода» отрицают существование в нем сознания так называемого частного человека, якобы замещенного стереотипом «сакральности» власти. На мой взгляд, это представление не выдерживает эмпирической верификации. Более адекватно, думается, преобладание в нем хитро опасливого, «уклончиво вороватого» отношения к ней. Ведь сакральность предполагает поклонение, желание хоть как-то «прикоснуться», порой далеко выходящее за рамки рационального, прагматичного поведения. Пример — любые виды паломничеств к «святым местам», часто и почти обычно связанные с материальными лишениями, трудностями, а то и опасностями для жизни. Как в давние времена — к гробу Господню, а ныне — в Мекку. И уж во всяком случае, от сакрального объекта не стремятся убежать. У нас же желание покинуть страну, на неопределенное длительное время или вообще навсегда, — существенный и устойчивый элемент сознания, причем наиболее интенсивный в наиболее образованных и молодых группах. Этого не могут скрыть даже проправительственные социологические службы.

Ничего похожего на молитвенное преклонение в традиционном российском отношении к государству мы не видим. Скорее к нему относились как к враждебной, но непреодолимой силе, с которой приходится жить и к ней приспособливаться. Но отнюдь на нее не «молиться», а если и молиться, то формально, а еще лучше — показным, демонстративным, заметным для «начальства» образом, чтобы какие-нибудь бонусы от власти за это получить либо как минимум от притеснений уберечься. Пусть даже ценой моральных компромиссов, порой заводящих далеко. Именно такой этический модус описал Лермонтов: «...к добру и злу постыдно равнодушны... и перед властью презренные рабы».

А от государства люди по возможности стремились убежать, благо было куда. В разное время такой «землей

обетованной» становились южнорусские степи, запорожская вольница, Северный Кавказ, Сибирь, раскольничьи скиты; дворяне либо уходили во внутреннюю эмиграцию, коротая век в имениях, либо во внешнюю — в Европу. Так что инстинктом свободы мы отнюдь не были обделены. Другое дело, что реализовывался он не внутри, а вовне, через бегство от государственной длани. А государство, насколько могло, «догоняло» беженцев и в разных формах вновь привязывало к себе обязательствами, повинностями, накладывало на них свою тяжелую руку.

Эта перманентно воспроизводившаяся в разных формах ситуация представляется одной из базовых причин противоестественной социальной динамики страны. Ибо люди, не желавшие мириться с участью покорных холопов государства, как бы выдавливались из нормальной жизни, не участвовали в развитии общества, а убегали из него. Наиболее активный человеческий капитал самоотчуждался от государства и страны. Государству не верили. При этом парадоксально, что даже в тех (не очень частых) случаях, когда государственные инициативы обещали людям пользу, благо, пассивное как минимум сопротивление новшествам бывало особенно сильным. Так было и с Уложением Екатерины II, и с реформами Александра II, и в некоторых других исторических случаях и эпизодах. Срабатывал стереотип: старое зло привычней и потому надежней обещаемого нового добра, которому к тому же и не верится, ибо от начальственных забот ничего хорошего не выходит.

И, к несчастью, в таком недоверчивом отношении было и есть много правды. Чаще всего чем внешне сильнее и могущественней становилось наше государство, тем хуже становилось жившим в нем людям. Вновь и вновь воспроизводилась все та же порочная модель: «Государство пухло, а народ хирел». Увы, установка эта проявила себя и в 1990-е годы, когда российская власть, впервые за многие десятилетия, пусть непоследовательно и неумело, но действительно пыталась перевести страну на рельсы принципиально иного пути развития.

Миф фатальности исторической «колеи»

Идея о якобы невозможности выбраться из однажды выбранной исторической «колеи», об обреченности вечно следовать предназначенному исторической судьбой path dependence, как мне кажется, небезупречна и в научно методологическом отношении. Она основана на сугубо эволюционистском взгляде на историю, исключающем качественные скачки, прорывы за грань эволюционной постепенности. Между тем, как известно из теории познания, подобные скачки — неотъемлемая часть процессов динамики изменения сложных систем всех уровней, от молекулярного до космического. Вспомним хотя бы один из гегелевских законов диалектики. Общественные же системы, безусловно, относятся к классу систем очень сложных. И непонятно, почему многие сторонники концепта «особого пути» исключают из рассмотрения данное обстоятельство, оставаясь, повторяю, в плену эволюционистского подхода к истории.

Вообще, эта тема отнюдь не нова. Важнейшую роль «духа предков» подчеркивали мыслители самых разных школ и направлений. Иногда это было, может быть, единственной областью согласия теорий, во всем остальном полностью противоположных. К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера...» пишет: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»¹. А с противоположной стороны мировоззренческих «баррикад» ему вторит один из идейных отцов расовой теории Густав Лебон: судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие, влияние предков преобладает над влиянием современной среды². Не правда ли, подобная близость суждений у непримиримых в остальном антагонистов впечатляет?

Но все это было высказано еще в позапрошлом веке. С тех пор многое изменилось. Ход истории ускорился в разы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Сочинения. 2-е изд. Т. 8. С. 115.

² См.: Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.

И ситуация последних десятилетий и особенно первых лет нового тысячелетия, думаю, отличается от предыдущих. Никогда еще в человеческой истории практически одновременно не происходило такого количества кардинальных изменений в самых разных сферах жизни. Причем переменны, затрагивающие самые основы традиционного образа жизни большей части человечества, самым невероятным образом переплетаются с ранее устоявшимися, привычными моделями и стилями поведения и мышления. Тот «шок от столкновения с будущим», о котором почти полвека назад предупреждали американский социолог Дэниэл Белл и Римский клуб, наступил. Будущее буквально вламывается в нашу нынешнюю жизнь и настоятельно требует решений в свою пользу.

Конечно, на нас и теперь оказывает влияние и прошлое и будущее. В какой-то мере мы остаемся людьми прошлого, которые живут в тени, отбрасываемой будущим. И сегодняшние масштабы и темпы изменений только усиливают то трагическое ощущение разрыва, которое испытывает современный человек, находящийся в зоне притяжения одновременно прошлого и будущего.

Однако это отнюдь не предполагает фатализма, какой-либо плененности прошлым. Во-первых, прошлое и неоднозначно и многослойно. В нем есть ближний, средний и дальний планы. Во-вторых, национальный характер не есть нечто заданное от века и раз навсегда: в нем (как и вообще в культуре) переплетены элементы традиции и новации, преемственности и модернизации. В-третьих, понятно, что национальная (как, впрочем, и групповая и классовая) психология и этика в известной мере понятия условные, научные абстракции. Мы не рабы своего прошлого. Но, творя свое настоящее и завтрашний день, мы должны ясно сознавать, какие именно колеи проложены нашими предками, где и почему они падали и спотыкались, какую цену им и последующим поколениям приходилось платить за их ошибки и заблуждения и откуда и куда нам предстоит выбираться.

Смена исторической «колеи» — вещь вполне возможная и отнюдь не уникальная. Например, именно такую перемену, причем в очень жесткой и яркой форме, проделала Япония в период, известный под именем «революции Мэйдзи» и жизни следующего поколения. Да Япония меньше чем за 100 лет, с 60-х годов XIX до середины XX века, вообще ни много ни мало четыре (!) раза сменила «колею», или «матрицу», развития: от традиционного изоляционизма и местечковой децентрализованности сперва к низкопоклонству перед Западом и заимствованию всего иностранного с быстрой централизацией власти, затем к агрессии во внешней политике, быстрой экономической модернизации и централизации, а потом к послевоенному устойчивому развитию и подчеркнутому миролюбию к внешнему миру. И никакой «цивилизационный код» этому не помешал. Впрочем, поскольку ушедшие века и другие страны не главная наша тема, обратимся к последнему российскому столетию.

Я, как и другие «исторические оптимисты», считаю, что у России нет «цивилизационного запрета» на переход от авторитарного к правовому режиму, тем более что в нашем обществе наряду с подданническим менталитетом с давних пор существовала и существует альтернативная, персоноцентристская контркультура, а «вся русская классическая литература... доказательство национальных российских корней концепции гражданского общества... ее защитница и нравственный гарант»¹. Да и не только литература — в России, вопреки почти непрерывному прессу авторитарного государства и реакционных элементов массового сознания, на которых строят свои пессимистические концепции сторонники непреодолимости колеи «особого пути», никогда, даже в самые тяжелые времена, несмотря на гонения и репрессии государства и иных реакционеров, не умирала, а находила все новые ниши для самовыражения и развития альтернативная персоноцентричная контркультура. Причем

¹ Паин Э. А. Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России / РОССПЭН. М., 2009. С. 201.

происходило это в самых разных формах, прежде всего в независимой от государства общественной деятельности.

Контркультура и перекрестки российской истории

В российской истории было несколько перекрестков, «развилок», когда был вероятен, но по разным причинам не произошел переход общества на иную «колею» развития. Поскольку я посвятил подробному описанию этих перекрестков три книги, то ограничусь здесь конспективным напоминанием их логики и последовательности. Разумеется, «перекресток» не какое-то короткое событие, он может занять и довольно длительное время. Во всяком случае, в прошлом было именно так. Правда, теперь времена ускорились. И радикально. То, что раньше занимало века, человечество проскакивает за пару десятилетий.

Первая такая развилка, случившаяся еще «рано, до звезды», это Смутное время. Вопреки имперской традиции нашей историографии сам я в целом положительно оцениваю и фигуру Лжедмитрия I, и роль польского культурного влияния на Россию в XVII веке. (Разумеется, на военную экспансию польского королевства это не распространяется.) Ведь тогда в России польский язык был тем, чем стал в веке XVIII язык французский — языком культурного общения. Немногочисленные частные московские библиотеки состояли тогда в основном из польских книг. Поэтому официальное провозглашение 4 ноября праздником освобождения и неверно фактографически, и просто нелепо: Григорий Отрепьев, независимо от его реального происхождения (только хорошо, если он не был отягощен наследственностью Ивана Грозного), за тот год, что он пробыл на московском престоле, начал процесс модернизации патриархальных и антиличностных стереотипов отношений власти и людей. Он и популярность успел завоевать, и ряд изменений в систему управления начал вносить. А заговор против него был составлен и осуществлен придворной высшей бюрократией,